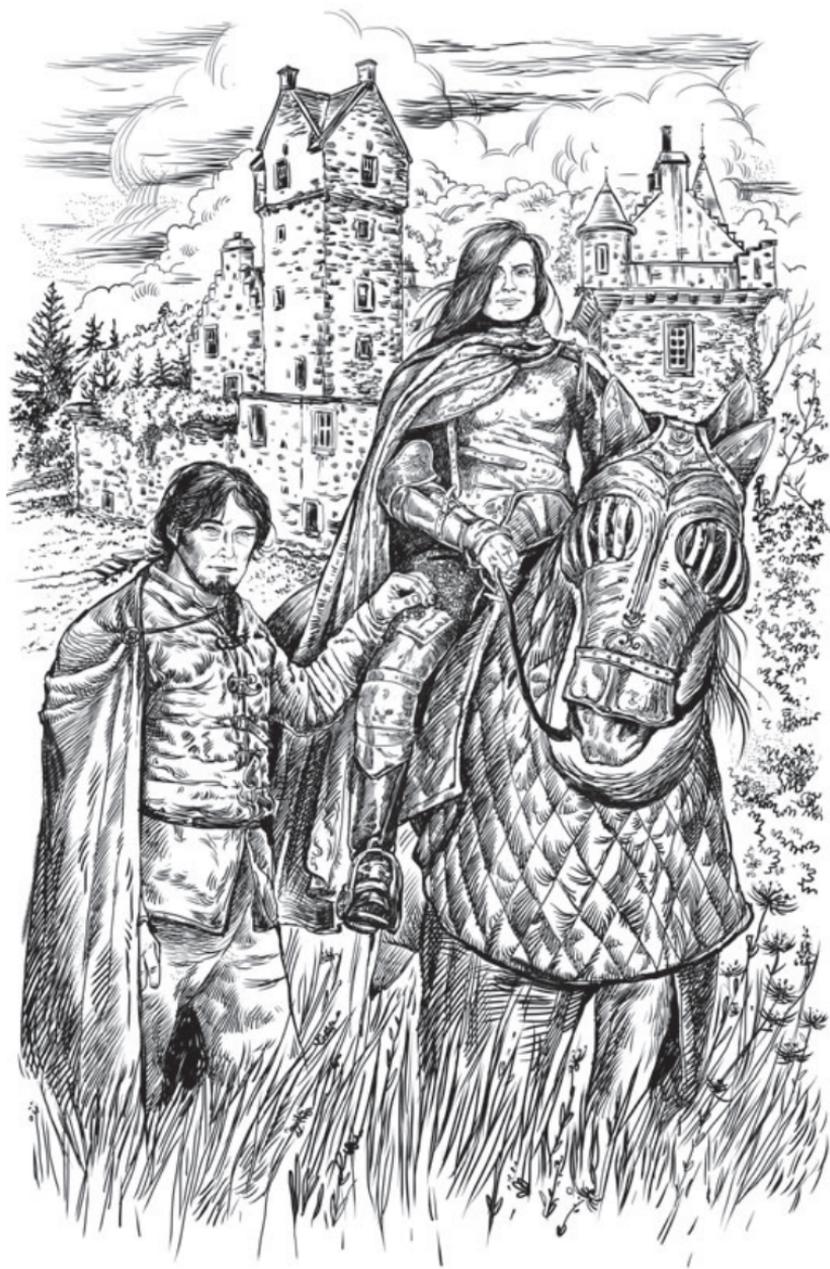

Галина Романова

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Галина Романова

Собачья работа

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2013

«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р69

Серия основана в 2011 году
Выпуск 85

Художник
О. и Е. Юдины

Романова Г. Л.
Р69 Собачья работа: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013— 439 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1644-8

О чем я думала, соглашаясь на собачью работу телохранителя? Уж конечно, не о любви к неженатому князю были все мои мысли. Все, что я хотела, — это заработать немного денег для того, чтобы вернуться домой. Но жизнь повернулась другой стороной, и оказалось, что есть кое-что поважнее денег — его взгляд, за который готова отдать не только свою жизнь...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1644-8

© Романова Г. Л., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

За смерть нам платят золотом
святоша и злодей.
Такая вот работа...
Пехота, не робей!

Старая пехотная песня

ГЛАВА 1

В таверне было душно и пахло обычно — мужским потом, лошадьми, пролитым элем, жареным луком, старой соломой... и войной. Привычный запах для того, кто несколько лет подряд дышал только смесью этих ароматов, лишь иногда разбавляемых запахом кожи, металла, крови. Легко ли от такой вони потерять сознание, благородные дамы не знают — ни одна порядочная женщина не переступит порога сего заведения. Что я здесь делаю? А кто вам сказал, что я — порядочная женщина?

Нет, я не шлюха, хотя и эти девицы тоже тут присутствуют. Вон, две из них вертятся среди сидящих мужчин. Одна только что покинула общий зал вместе со случайным кавалером. Ко мне они не подходят даже для того, чтобы дружески поболтать. Я ведь не шлюха — я намного хуже. От таких, как я, отворачиваются, их не замечают, уважают за глаза, а в глаза готовы даже проклясть.

Народа сегодня много, и посетителей, и клиентов. Это не одно и то же. Таверна «Кровавая Мари» — пожалуй, самое известное заведение в городе. Здесь издавна собираются наемники всех мастей — от наемных убийц до тех, кто в свое время продали свои мечи и щиты королю и ушли воевать за звонкую монету. Перед войной именно тут вербовали новичков. После войны здесь собираются те, кто уцелел, и предаются воспоминаниям, обильно заливая вином и горькие и сладкие моменты. Мне тоже есть что вспомнить, только вот никто не спешит разделить со мной эти воспоминания.

Вон, кстати, сдвинув вместе два стола, пирует одна компания. Некоторых я знаю — они, помнится, дружески кивнули мне у входа, но к себе не пригласили. А как же! Я ведь женщина! Во время войны они об этом не вспоминали, зато в мирное время сразу все расставили по своим местам...

...Не могу! Страшно! Страшно в первый раз! Одно дело — рубить манекены, набитые соломой, пусть даже на них надеты трофейные шлемы и порубленные панцири. И совсем другое — держать строй, когда на тебя несутся не манекены, а живые люди. Конная лава — это страшно. Закованные в броню тяжелые рыцарские кони приучены бить копытами. Копья у всадников опущены на уровень груди стоящего в строю человека. Нас учили уворачиваться от копий, но опять-таки на манекенах. Манекенов было всего две штуки — требовалось лишь пробежать между ними и не попасть под удар мешка с песком. А здесь...

Конная лава все ближе. У меня по ноге что-то течет. Догадалась что. Как же страшно! Крепко зажмурилась. Меня поставили во второй ряд — появился хоть какой-то шанс уцелеть или хотя бы прожить лишнюю секунду.

Сшиблись! Копье скользнуло по лошадиной груди, не причинив коню вреда. Это уже потом я поняла, что от страха просто слишком рано разжала пальцы. Тяжелый рыцарь влетел в наш строй. Копыта уже смяли кого-то из пехоты. Копья, щиты, мечи, крики... Привстав на стременах, всадник рубанул сверху вниз. Рядом — еще и еще всадники. Не всем так повезло — под некоторыми убили коней. Живые и мертвые — все вперемешку. Первых трех рядов как не бывало. Сплошное месиво из мертвых, умирающих и немногих живых, которые все еще пытались прорваться к своим. А конники все скакали и скакали. По трупам идти нелегко, лава замедляет бег, и рыцари вязли в строю.

Я осталась одна? Нет, был еще кто-то. Кажется, это мне крикнули: «Дура, дерись!» А как?

Присев, тут же вскочила. Какой-то всадник резко осадил коня. Что, не ожидал? Ударила наотмашь по лошади — по человеку пока было страшно. Меч скользнул по нагруднику, задел коня. Тот коротко заржал и, шарахнувшись, помешал рыцарю попасть в меня. Второй удар по мечу. Сбила клинок в сторону — и тут же вспомнились слова наставника: «Бей по ногам! Только не в бедро, а ниже! Колено, голень, стопа...»

Ударила... Попала! Рыцарь накренился в бок, но еще держался и даже пытался отмахиваться. Не нравится? Вот тебе еще! На сей раз по руке. Третий удар достался лошади. Она шарахнулась, и от резкого рывка всадник стал падать, еще продолжая цепляться за узду. Ударила, торопясь, по боку, по спине, по ногам — куда угодно, лишь бы не по голове. Боялась

смотреть на лицо, хотя и знала, что под шлемом с опущенным забралом его не видно.

Рацарь уже перестал шевелиться, но я ударила еще несколько раз — никак не могла остановиться. Лишь потом осознала, что произошло, попятилась, едва не выронив меч, смеясь и плача одновременно. Я убила человека. Мой первый... Вот и все.

Нет, еще не все. Конная лава схлынула, но бой еще шел. Задние ряды остановили-таки рыцарей. Те увязли в месиве живых и мертвых людей, но живых пока еще было больше. Побежала туда. Мне стало не так страшно.

В том первом бою наших, новобранцев, полегла, считай, половина. Командиры рассудили здраво — зачем ставить на передний край ветеранов и рисковать опытными воинами, каждый из которых в бою стоит трех-четырёх неопытных бойцов? Уж лучше пожертвовать новичками. Свое дело они в любом случае сделают — остановят конницу и подадут опытным воякам остатки вражеского войска тепленькими. А кто выживет — те и есть самые настоящие бойцы, достойные того, чтобы стать ветеранами. Помню, все тогда удивились, что выжила — я. Одна из всего десятка. Потом меня новый десятник выделял и ставил в пример новобранцам — дескать, учитесь, даже какая-то девчонка выжила, вот и у вас все должно получиться. И новички жадно смотрели мне в рот — а каково там, в настоящем бою?

Да, было время! А теперь...

Теперь война закончилась. И наемники, те, кто выжил, подались кто куда. У кого был дом — вернулись домой с деньгами и трофеями. А кому больше нравилось воевать, остались. И день-деньской сидели в «Кровавой Мари». Те, кто хотел недорого купить «меч» или «кинжал», знали это место и частенько наведывались за живым товаром.

Ко мне не подходили. Не только потому, что я — женщина. Просто я... не такая, как все.

...Мне больно сюда приходить. Больно и тяжело сидеть вот тут, в углу, над своей кружкой пива и миской простой «ветеранской» каши. Это такая же перловка, какую нам варили на фронте, только в этой иногда, кроме лука, попадают и другие овощи. Хозяин, видимо, считает, что отдает нам таким вот странным образом дань уважения — дескать, и мы помним. А я этой перловки на две жизни вперед наелась, от одного вида тошнить

начинает. Но не ходить в таверну не могу. Все-таки привыкла к этим запахам, к этим голосам, к прорывающемуся через каждое слово мату. Сама такая — Яница на меня сердится, говорит, что пора переучиваться, то и дело поправляет, как маленькую. А я не могу... И прихожу сюда просто отдохнуть душой — в том числе и от жалостливо-брезгливых взглядов, за которыми иной раз проглядывает откровенная ненависть. Здесь на меня тоже посматривают с жалостью, но — уважительной. Здесь я все-таки ветеран. Хоть и не самый желанный. Здесь мне кивают здороваясь те, кто на улице, часом раньше или позже, пройдет и не заметит, а то еще и начнет поддакивать идущей рядом супружнице: «Да-да! И как она так может? Кому она нужна!»

...Нет, не буду думать об этом! Вон уже слеза в пиво упала!

Пиво, кстати, в «Кровавой Мари» подают отменное. И бесплатное — всем ветеранам без разбора, в любых количествах. А по выходным еще и кормят просто так. Хозяин занимается благотворительностью не только от широты душевной — тут бывшие наемники частенько находят себе клиентов. А процент с контракта всегда идет ему. Вот и приманивает тех, кому не по душе мирная жизнь, кто просто к ней не привык. Или не хочет привыкать.

Война кончилась совсем недавно. Еще только-только делают свои первые шаги детишки, зачатые после нее вернувшимися отцами. Еще не все вдовы перестали ждать и надеяться. Еще не все разрушенные города восстановлены, и в деревнях полным-полно опустевших хат. А на полях кое-где еще можно найти непогребенные останки людей и лошадей. Все ценное с павших давно снимали, вороны и одичавшие собаки объели мясо с костей. Уцелевшие селяне хоронят их понемногу, очищая поля для пашни. Страна восстанавливается. Но не все раны заживут. Моя как раз такая.

Я сижу в таверне «Кровавая Мари», цежу свое бесплатное «ветеранское» пиво и смотрю по сторонам. Зачем я здесь? Чужая и этому миру — ибо женщина, и другому — ибо воин. А ответ самый простой: я хочу продать свой меч.

Тяжело жить мужчине, у которого нет сына. Можно сколько угодно твердить, что любишь дочерей, всех пятерых, но ржавеет на стене дедовский клинок, который некому передать по наследству. И рук порой не хватает. Несколько наемных работников и кое-какая прислуга не в счет — есть дела, которые чу-

жим не доверишь. Еще горше, когда сыновья рождаются — и умирают вскоре после рождения. Два братика было у меня — один так и родился мертвым, его задушила пуповина, а другой прожил всего два месяца. Мама убивалась, особенно по младшенькому, к которому успела привыкнуть. А отец как-то сразу постарел лет на десять.

Тогда я и начала учиться владеть мечом. Тайком, на заднем дворе. Нашла палку, подсматривала за соседскими мальчишками, сама училась махать ею из стороны в сторону, колотила до изнеможения старое сухое дерево на задворках.

Там меня один раз и застали мальчишки. Накинулись скопом, начали бить — как же, девчонка в штаны нарядилась! Я со злости палкой своей всех и отлупила. Била, не глядя, куда и как бью.

Дошло до отца. И меня, и моих обидчиков, в равной мере избитых — все же я была одна против всех! — поставили перед ним. Всех велел высечь. А когда я отлежалась, сам начал меня учить. На том же заднем дворе. Только вместо палки дал деревянный меч как оруженосцу...

Мы, кстати, из рода потомственной шляхты, имеем землю и герб. Прадед был одним из оруженосцев короля, но на большее у него не хватило денег и сил. А мог бы и выше подняться — не захотел. Вместо этого женился, родил сыновей. Потом пошли внуки, укрепили род... Только с правнуками не повезло. Один внук ушел в купеческое сословие, другой подался в монахи, еще один до сей поры не женат, хотя наполовину седой. Только у двух других имелись дети — два сына у одного и пять дочерей у другого, моего отца. Но те мальчишки еще мелкие совсем, а я была девицей рослой — в десять лет могла сойти за тринадцатилетнюю. Имелась еще и дальняя родня — если всех собрать, в доме станет не протолкнуться. Но по каким краям разбросала их жизнь — не знаю.

Мать сначала ворчала и ругалась на отца — мол, старшую дочь мне портишь. Но он как-то раз сказал в ответ на ее слова: «Был бы сын — не возился бы с Дануськой!» — и она замолчала. А когда началась война, отец сам снял со стены прадедов меч, тот самый, который когда-то предку пожаловал король, и отдал мне.

Восемь лет минуло с того дня. Восемь не самых сладких лет.

И вот я собралась продать прадедов меч. А что? Жить-то на что-то надо! Хотя бы скопить денег, чтобы вернуться к родите-

лям. На коня мне не влезть, значит, надо искать торговый караван, идущий в нужную сторону, и платить за проезд. Караваны ходят редко — после войны на дорогах полным-полно мародеров, и купцы опасаются в одиночку пускаться в опасные поездки. Товары дороги, риск велик, и просто так возить пассажирку никто не станет. Да и Янице за полгода уже не плачено. Лекарка, конечно, добрая, молчит и терпит, да мне все равно неудобно быть обузой. Я ведь ни на какую серьезную работу не го-жусь. Даже ткать не сяду — не получается. Так, по дому ковылять, травы лекарственные в ступке толочь да бинты отстирывать. У городского врача работы много, без подмоги не обойтись.

Компания за соседним столом разошлась не на шутку. Я прислушалась — громко, до хрипоты, перебивая друг друга, спорили два ветерана:

— Ты за кого меня держишь? Я кровь проливал!

— А, думаешь, я не лил? Я, может, больше твоего ее пролил... Ты на мои шрамы глянь!

— А ты вот это видел? — Рубаха задралась вверх, и открылись застарелые рубцы. — Чтобы я после такого...

— Кишка, стало быть, тонка?

— Да уж не тоньше твоей! Тоже мне, хорош — других подбиваешь, а сам не идешь!

— Ты знаешь, почему!

— Вот и я по тому же! А трусом меня звать не смей!

Остальные либо поддакивали им, либо просто ждали, чем кончится спор. Присмотревшись, я заметила, что за столиком сидит клиент — мужчина в скромном темном, но явно добротном кафтане. Сидел он ко мне спиной, ни возраста, ни звания не различить. Но, судя по спускающимся на плечи волосам, по-благородному подстриженным и уложенным волнами, по их чистому русому цвету, по тому, как напряглась его спина, он еще был молод. И явно не беден. И это перед ним сейчас разыгрывалось представление — чтобы не скупился на награду, а сразу понял, что имеет дело с серьезными людьми, которые не станут тратить свое время из-за пары серебряных грошей.

Он сидел ко мне спиной. Вот мелькнула рука — не грубая мужская ладонь, но и не изнеженная женская с тонкими пальчиками. Рука как рука. С длинными пальцами, на которых, вопреки общепринятому, не было ни одного перстня. И как я не заметила, когда он вошел? Впрочем, мне-то какое дело?

— Так вы можете помочь моему другу?

Хм. Голос еще молодой. Не мужской голос. Нет, за столом сидел именно мужчина, но явно не привыкший орать, срываясь на хрип и рычание. Судя по голосу, ему было не больше тридцати лет. А может, и двадцати. Мальчишка.

— Я заплачу... То есть он заплатит... Сколько скажете! Вот, — мужчина полез за пазуху, что-то достал. — Это задаток!

— Ого!

Разговоры разом смолкли, а я навестила уши.

— И кого за эти деньги надо убить? Короля?

Мне аж жарко стало. Там, наверное, золото...

— Никого. Мой друг... его надо просто охранять.

— От кого?

— Ну, — клиент замялся. Мне даже показалось, что он покраснел, хотя за волосами и затылка-то было не разглядеть, не то что лица. — Он сам не знает. Просто его хотят убить... наверное, хотят... он еще не понял. Но на всякий случай... Ему просто нужна охрана!

— А тебе? — Один из наших наклонился над клиентом, опершись о столешницу ладонью и уперев вторую руку в бок — так, чтобы ненавязчиво дотянуться до перевязи с мечом. — Тебе охрана не нужна?

— Мне? — Судя по интонации, клиент наивно захлопал ресницами. — А... наверное, а что?

— А то, — остальные поддержали ветерана негромким гулом голосов, — с такими деньгами и не боишься по улицам ходить! В одиночку!

— Ну, я надеялся, что найду здесь тех, кто меня потом проводит до дома... к моему другу, — произнес мужчина. Нет, судя по голосу, ему до тридцатилетия еще далеко. Чересчур далеко. Таким наивным можно быть только лет в шестнадцать. И не смотрите, что он ростом велик — мне тоже из-за роста постоянно прибавляли пару лет в детстве и юности.

— И потом — у меня же меч!

Сказано это было таким тоном, что сразу стало ясно — клиент еще не забыл, как пахнет мамкина грудь. Или перечитал рыцарских романов, где по сюжету, стоит герою показать обнаженный клинок — толпы врагов валяются на колени, умоляя не калечить слишком сильно. Если в той же книге меч достает девушка, ее обычно сразу просят не убивать и обещают раскаять-

ся и влюбиться. Читала я такое. Еще до войны. Дом-то был богатым, несколько книг отец купил дочкам в подарок.

Громкий хохот подсказал, что не только у меня в этом вопросе имелись сомнения.

— Ме-еч? А ну-ка, покажи!

Из-за стола мы с тем мужчиной поднялись одновременно. Я просто почуяла неладное, а вот он — нет. Просто встал, просто обнажил клинок. Мне со своего места видно было плохо — мне и слышно-то, если честно, в общем гуле голосов было не слишком хорошо, но не попросишь же остальных говорить потише! Но вот не нашла я в том мече ничего особенного. И не только я.

— И всего-то? Где нашел? Или сам сделал?

Да, меч простой. Не такой, конечно, как у городской стражи, но до рыцарских мечей ему далеко.

— Это... ну, я взял первый попавшийся, — непонятно почему смутился мужчина. — Но я умею драться! Меня учили, и даже...

Окончание его фразы потонуло в громком хохоте. А я, окончательно укрепившись в своем решении, вылезла из-за стола и подхватила свой меч. В ножнах, с перевязью. Погладила рукоять. Ты прошел со мной всю войну. Жаль, что отец не отдал тебя сыну. Дочь оказалась плохой наследницей. Ей слишком нужны деньги... Прости!

Заметили меня не сразу. Обычно я не робею, но тут пришлось взять себя в руки, чтобы оставаться спокойной под взглядами десятка внимательных глаз. Некоторые ветераны кивнули — мол, привет. Другие смотрели с недоверием.

— Ты чего, Дануська?

Я глянула на клиента в упор. Да, молодой. Даже помладше меня будет. Впечатление молодости усиливалось тем, что мужчина был гладко выбрит. Наемники-то все щеголяют усами, бородой или кое-как подрезанной щетиной, так что кажутся стариками. А этот... ему двадцать-то хоть есть? Наверное, есть — вон как смотрит. Симпатичный. Кожа чистая, не обветренная, тонкие губы плотно сжаты, породистый нос продолжается двумя морщинками над переносицей. А глаза... Мне захотелось заплакать: такие глаза бывают только у рыцарей в сказках — открытые, прямые, смотрящие на мир с бесконечным удивлением и вместе с тем внимательно. Эти глаза

видят все — и не упустят ни малейшей детали. Просто мечта любой девушки.

— Что это такое?

Я даже вздрогнула — не хватало еще начать пялиться на этого парня, как простая сопливая девка. Достала меч.

— Вот. Недорого отдам! Оружие хорошее, проверенное!

Не скажу, каких усилий мне стоило произнести эти слова. Меч лег на стол. Без ножен, чтобы парень смог оценить и клинок, и рукоять. За столом кто-то присвистнул, кто-то матюкнулся, кто-то просто покачал головой.

— Что это? — Парень дотронулся до рукояти. Хорошо, хоть не стал за лезвие хвататься!

— Меч, — повторила я. — Яго прав — вам с таким клинком защитить себя будет трудно. Возьмите мой. Недорого продаю. Всего... — я переворошила свои знания, прикинула стоимость оплаты проезда до дома да припасов на дорогу, — всего двадцать злотых.

Ну что все на меня так смотрят? Да, продаю свой меч. Но жить-то на что-то надо! Им всем, моим бывшим боевым товарищам, есть куда податься, а мне? Кому я нужна? Только если родителям, но до них еще добраться требуется. Правда, позором будет — показаться на пороге без меча и... без кое-чего другого... Но ведь зато живая! И мы победили! И я тоже своими руками ковала победу! И проливала кровь, как ни пафосно это звучит.

— Нет, — в голосе прорезались нотки гнева и нетерпения, и я запоздало сообразила, что заговорил другой человек, — а что *вот это?*

Я перевела взгляд на говорившего. Надо же, не заметила, что парень пришел не один! Все-таки не такой глупец! Его спутник сидел с другой стороны, я встала между ними и обернулась, уже зная, что конкретно он имеет в виду.

Мужчина был намного старше и годился парню в отцы, если не в деды. На вид лет шестьдесят, но крепок и силен. Коротко остриженные волосы (чтобы шлем надевать удобнее) были так обильно тронуты сединой, что хотелось отряхнуть этот снег. Иссеченное морщинами обветренное лицо. Небольшая бородка наполовину скрывала шрам на щеке. С кафтана совсем недавно спороли герб — княжеский, если верить его форме. Старый вояка, наверное, тоже ветеран. И — рыцарь, а не простой гайдук, состарившийся на службе.

Как дура, уставилась на него, а мужчина спокойно смерил меня пристальным холодным взглядом с ног до головы. Взгляд профессионала, ничего не скажешь! Точно так же смотрел вербовщик на призывном пункте. Вот только этот человек надолго задержал взгляд на моих ногах. Точнее, на...

— Вот это!

Мне показалось, или в таверне сделалось так тихо, что стал слышен шорох мелкого дождя за окном. Я уже знала, куда он смотрит. Знала потому, что они *все* смотрели только туда. За два года уже привыкла к косым взглядам соседей, но с чужим человеком всякий раз переживала боль и стыд заново. Почему не умерла? Почему решила жить дальше *вот с этим*?

— Протез...

Никто не знает, каких усилий мне стоило научиться выговаривать это слово.

— Не хочу! Не буду жить...

— Ты что говоришь?

— А что? Посмотри на меня! Урод! Обрубок! Калека... Задущусь!

— И думать не смей! Я запрещаю, слышишь?

— А ты мне не указ! Ты вообще кто такая? Лекарка? Вот и иди, лечи! А я...

— А я тебя не для того выхаживала, чтобы ты у меня в сарае давилась...

— Не хочешь в сарае — уйду в рощу.

— Вот дура упрямая! Никуда не пущу!

— Пустишь!

— К кровати привяжу! Дверь запру!

— Да пошла ты...

— Не смей материться! Богиня-Мать накажет.

— Да и..! Хуже, чем есть, уже не будет! Убьет разве что... Так почему Она не сделала этого раньше?

— Потому, что Она тебя любит!

— Никого Она не любит, кроме Себя! Вот ...

— Это ты от досады. Это ты не всерьез! Богиня-Мать, она не нарочно, прости дуручку упрямую!

— Пошла в...

— И это тоже не всерьез! Дайна, ну почему ты стараешься казаться хуже, чем есть?

— Потому, что я не буду жить!

Наемники, бывшие солдаты, старательно делали вид, что меня тут нет. Стыдились. Отводили глаза. Уже начали тихую беседу о чем-то своем. Их можно понять — как и всех остальных. Мужчина с одной рукой или ногой — все равно мужчина. Чей-то долгожданный муж, чудом вернувшийся с того света жених, сын или брат. А женщина с палкой вместо правой ноги — это... Я научилась переносить презрительно-жалостливые взгляды соседок — мол, бедненькая, вот как ее угораздило! Научилась не замечать их презрения — кому ты такая нужна? Но с каждым новым человеком это приходилось переживать заново. Вот как сейчас. Уши запылали, но я стиснула зубы. Я должна быть сильной. Мне надо где-то достать денег, расплатиться с Яницей за кров и заботу — и вернуться домой. К отцу, маме, младшим сестрам. Домой. И постараться наконец забыть войну.

— Меч хороший...

Негромкий голос отвлек от невеселых мыслей. Парень, оказывается, все это время рассматривал мое оружие, так и лежавшее на столе.

— Не вздумайте брать! — категорически отрезал седой.

— Почему? Он красивый... И старый! Ему лет сто, если не меньше?

— Сто двадцать, — вспомнила я семейную легенду. — Сто двадцать лет назад мой прадед впервые взял его в руки.

— Тогда он стоит больше двадцати злотых! Все пятьдесят!

— Нет!

— Но почему? Вам жалко денег? — Парень уставился на своего спутника.

— Мне жалко вас. Вы посмотрите на нее. Этот меч не принес своей... бывшей владелице счастья. А теперь она хочет продать его вам. Вам нужна чужая неудача?

Зря он так. Я не виновата... Но не спорить же! Был бы сопляком, который в бой ни разу не ходил, тогда его не грех и «срезать». Но ведь по седоголовому видно, что старый вояка. И как на парня смотрит! Прямо по-отечески!

В общем, забрала я свой меч и ушла. Совсем. Обитый железом конец костыля постукивал по полу. Но на улице моросящий дождь скрыл шум моих шагов. Только дверь и хлопнула.

Идти никуда не хотелось. Нет, возвращаться в таверну — себя не уважать. Не дело это — только что вышла с гордо поднятой головой и тут же ползти назад, как побитой собаке? Ис-

пугалась весеннего мелкого дождика? Да в такую пору небо то и дело плачет, что ж теперь вообще носа никуда высунуть нельзя будет? И гордость в карман не спрячешь. Ушла — так ушла. Свои же перестанут уважать, если вернусь.

Поэтому, не желая мокнуть, отошла в сторонку. Крыши домов немного выдавались вперед, так что получилось что-то вроде козырька. Туда и встала, прижавшись спиной к стене. Дождик мелко стучал по кровле, шуршал по земле. Обычный мелкий дождик. Ничего страшного. Постою немного, пока глаза привыкнут к темноте — тучи закрыли звезды и почти полную луну — да и...

Скрипнула дверь. В светлом прямоугольнике на миг показались два силуэта. Оба были смутно знакомы, но рассмотреть мужчин не успела — слишком быстро они направились по проулку прочь. Кто-то из завсегдатаев решил, что пора и честь знать. Странно только, что походка ровная и легкая, не как у пьяных.

Не прошло и пары минут, как показались еще двое. Тоже из наемников. Эти стояли у крыльца немного дольше, озираясь по сторонам. Потом и они ушли — в ту же сторону, что и двое первых. Совпадение? Я стояла в тени, под навесом, меня не видели и, если честно, не хотелось, чтобы увидели. Не то было настроение, чтобы кому-то попадаться на глаза. Тем более, что вслед за этими вышли еще двое...

Когда же из дверей показалась четвертая пара, я возблагодарила судьбу за то, что осталась на месте.

— Боже, неужели уже так темно? — Хм, этот голос мне определенно был знаком. Только что в таверне этот мужчина спрашивал, сколько стоит мой меч, и предлагал за него целых пятьдесят злотых. — Генрих, а что, разве уже ночь? И дождик... маленький такой... теплый...

Генрих, надо думать, это тот седой рыцарь. Терпеть его не могу. Вроде ничего мне плохого не сделал, а поди же ты...

— Да, уже поздно. Пора домой. Эй! Кто там? Коней!

Зевающий конюший привел от коновязи оседланных лошадей, и эти двое поехали по улице. Помедлив, я двинулась за ними — стоять под крышей всю ночь в надежде, что дождь прекратится, не хотелось. А ну как зарядит до рассвета? Так тут и ночевать? Тем более что по странному стечению обстоятельств верховые отправились в ту же сторону, что и четверка посетителей незадолго до них. Казалось бы, ничего особенного, иди,

куда хочешь. Но чтобы шесть человек, не сговариваясь, выбрали одно направление? Чтобы не думали, что я за ними слежу, шагала осторожно. Хорошо, что цокот копыт и шорох дождя глушили стук обитой железом деревяшки!

Два всадника ехали неспешным шагом, разговаривая о чем-то своем, и так увлеклись беседой, что метнувшиеся наперез поздним путникам тени я увидела первой. Грабители напали молча, без традиционного: «Кошелек или жизнь!» Двое схватили коней под уздцы, остановили всадников, остальные забежали с боков, чтобы удобнее стаскивать людей с седел.

— Слезай! Живо!

— Генрих! — послышался отчаянный крик.

— Держитесь! Я сейчас!

Один из всадников пришпорил коня, заставив того взвиться на дыбы. Державшийся за узду грабитель от неожиданности разжал руки. Конь отпрыгнул в сторону, мужчина мгновенно выхватил меч, крутанул над головой, делая отмахку. словно сообразив, что жертва попалась зубастая, грабители всем скопом накинулись на второго. Тот опять закричал, схватился уже за свое оружие, но блеснула сталь, он мешком завалился на бок и сполз с седла.

Сама не понимаю, что сорвало меня с места. На протезе не сильно разгонишься, но я успела:

— Назад!

Шестеро против двух... нет, против одного. Я не видела второго всадника, не замечала, чтобы он спешил прийти на помощь — некогда было смотреть по сторонам. Прадедовский меч, служивший мне столько лет на войне (и ведь не защитил-то только от шальной стрелы, ударившей откуда-то сверху, на излете!), выскользнул из ножен. Сами ножны тоже не отбросила за ненадобностью — перехватить поудобнее, обмотав руку курткой — вот и готов самодельный щит, которым можно останавливать удары.

Фехтовать я умела, спасибо отцу, отчаянно мечтавшему о сыне, и в результате научившему сражаться старшую дочь, спасибо войне, которая срывает со своего лица маску романтики после первого же боя. Чего мне стоило не забросить меч подальше после того, как лишилась ноги — не знаю. Но, едва оправившись, я снова взялась за него — заново, как оруженосец, училась держать стойку, менять положение ног, принаравливаясь к искалеченному телу. И сейчас наука пригодилась.

Но все-таки мне повезло — против меня сражались отнюдь не профессионалы. Будь грабители такими же ветеранами, как я, в одиночку бы и не выстояла. Легла бы рядом с тем мужчиной, который чудом держался на ногах, привалившись к стене ближайшего дома. Отбить один удар, вбок — тут же на возврате отмахнуться от второго, шагнув в сторону, пропустить мимо третий и успеть рубануть по нехстати подвернувшейся чужой руке прежде, чем подставить меч под четвертый. Слить по клинку, шагнуть в другую сторону, сделать отмашку. Чей-то короткий вскрик, тело завалилось набок. Пнуть ногой — деревянной, вот ты и пригодилась в настоящем деле! — и тут же тычок назад. Куда попала — не важно, но, судя по воплю, не промазала. Важен только краткий миг, за который успела принять на самодельный щит летящий в голову палаш и рубануть снизу, доставая по животу.

Стойка ненадежна — вторая нога не чувствует, куда ступает. Колено дрожит и ноет, я заваливаюсь набок. Но теперь лишь четверо стоят напротив — еще двое лежат. И у одного явно повреждена рука. Он — самый слабый. С него и начнем.

Прыжок вперед. Атака. Получай! Выронить ставшие лишними ножны, вырвать меч из слабеющей руки, перевернуть рукоятью вверх, используя вместо щита. Хорошо! Теперь мы на равных. Еще удар, еще. Шаг вправо, шаг влево. Принять на левый меч-щит чей-то клинок, вывернуть кисть, разрезая противнику руку возвратным движением, и ткнуть острием — наугад, лишь бы задела.

— Сзади!

Меч уже полетел за спину, описывая полукруг. Послышался скрежет металла — лишь холодком повеяло от отбитого клинка, который в другое время мог бы снести ползатылка. Ну, спасибо, парень! Ты — мне, я — тебе!

Еще одна атака. Рванула дистанцию, не давая поднять меч для нормального удара. Скорее, пока тот, за спиной, не догнал — подвижность-то у меня не та. Встать бы к стене рядом с тем парнем — так не дадут прорваться. И обороняться тяжело — отступать некуда. Да где ж этот второй? Как там его звали? Генрих?

Противник не ожидал от меня такой прыти — не уследил за мелькающим клинком и получил мечом в бок. Не стала добивать раненого, повернулась к четвертому, последнему.

Наверное, что-то такое было у меня на лице, отчего он вдруг

попятился. То ли испугался, то ли узнал. Я-то его рожу пару раз замечала в трактире — он не из наших. Во всяком случае, в «Кровавой Мари» такие вот мечники держались отдельно от ветеранов. Ни разу не видела его разговаривающим с тем же Яго, не говоря уже о других. Тем лучше — легче будет убивать.

А ему страшно! Отмахивался мечом больше из упрямства — узнал же женщину! И мою хромоту тоже заметил — значит, давно уже сообразил, где и когда мог видеть. И наверняка понял, что терять мне нечего.

Я впрямь дралась насмерть. И может быть поэтому мой меч нашел брешь в его защите и рыбкой нырнул в открывшуюся щель. Споткнулся на миг, встретив сопротивление плоти, но тут же, поднапрягшись, проник сквозь кожу и мясо... Убийца захрипел, шатаясь. Я выдернула клинок. Пнула тело ногой, чтобы побыстрее упало, не удержалась, добавила еще один рубящий удар поперек спины, подсекая хребет. Этот противник был самым подлым — напасть сзади много доблести не надо. Его я равняла с теми, против кого дралась на поле боя. Этому, добывая, и глотку перерезать не жалко, вместо того, чтобы внимать мольбам о пощаде.

Кстати, о поле боя. Опираясь на меч, осмотрелась по сторонам. Правая нога дрожала — то ли ремни крепления разболтались, то ли просто нервное. За два года, с тех пор, как получила рану, это был мой первый настоящий бой. И первая, коли уж на то пошло, победа. И Богиня-Мать велела бы гордиться.

А после победы, так уж водится, начинается дележ добычи. На войне командиры не препятствовали рядовым рыться в вещах врагов. Мелкие монетки, разные безделушки, иногда трофейное оружие или доспехи — все считалось законной добычей. Иные наемники успевали сколотить приличное состояние, перепродавая снятые с убитых кольчуги и шлемы — обоз маркигантов неспроста тащился за войском. И я могла бы с чистой совестью пошарить по чужим карманам, если бы не одно «но».

Этот парень. Ноги больше не держали его, он сполз по стене на землю, скособочившись и тихо поскуливая от боли. Подковыляв, склонилась над ним. Правой рукой парень крепко прижимал к себе левую. Даже в ночной темноте было заметно, что его кафтан разрублен на плече, и вся правая кисть в натекшей из раны крови. Повезло так повезло. Если задета ключица... уж прямо и не знаю, что сказать!

— Помогите мне.

Прадедовский меч вернулся в ножны. Второй, трофейный, пришлось использовать как палку для опоры. Отрезала кусок от его плаща, скатала:

— Вот. Зажми рану.

— Я умру?

— Не знаю. Встать сможешь?

— Попробую...

Кое-как подставила плечо. Правая нога у меня гнется с пре-великим трудом — то, что осталось от колена, работает плохо. Посему и наклоняться тяжело. Лучше еще один бой принять, чем поднимать с земли мужика, который висит мертвым грузом, не помогая, и только тяжело дышит и скрипит зубами. Тут не мне работа, а хотя бы тому, второму... Куда он, кстати, делся?

— Где этот...

— Генрих? Я не знаю. За помощью, наверное, поскакал.

Что-то не верилось в это. Хотя, если учесть, что их было ше-стеро, осуждать старого рыцаря тяжело. Пара удачных ударов по не защищенным доспехами ногам — и бери всадника тепле-ньким. Так что хорошо, если этот Генрих вообще жив. Но, с другой стороны, если бы он остался, мы бы справились вдвое быстрее.

— Угу. Держись.

Напуганный схваткой конь куда-то ускакал и оставил нас пешими. Тратить время и искать лошадь на ночных улицах не хотелось, пришлось брести как есть. На ногах мой спасенный почти не стоял — то ли от все еще не отпустившего его страха, то ли от слабости. Нет, сначала он пытался как-то мне помогать, но на половине пути пришлось взвалить его на плечи и, стиснув зубы, тащить на себе к дому целительницы. А куда еще?

У Яницы дым стоял коромыслом. Когда я переступила по-рог, целительница крикнула из глубины комнат:

— Дануська? Где тебя носило?

— Я была в...

— Живее! Мне корпию нужно! И бинты! Срочно! Беги живо!

— А что случилось?

— Опять волкопсы!

Ох! Я кое-как усадила своего клиента на стул в передней и поспешила, прихрамывая, на второй этаж, где у целительницы в отдельной комнатке хранились снадобья.

Волкопсы были бедствием. Во время войны из разоренных деревень сбегали собаки. В лесах они сходились с волчицами, которые рожали полукровок. Волкопсы получались крупнее и массивнее как своих возможных отцов, так и матерей. Собачья смелость при встрече с человеком и волчья хитрость и ненависть сочетались в них с отвагой и наглостью. Привыкшие питаться трупами, они не желали отказываться от вкусного человеческого мяса и охотились на людей. Старосты и городские головы выдавали по серебряному грошу за пару ушей, но хитрые звери быстро научились отличать мужчину с самострелом от безоружного старика, женщины или ребенка. На этих они нападали чаще всего. Особенно сейчас, в разгар весны, когда в логовах у волкопсов уже появились волчата. С начала месяца сегодня был уже третий случай.

Быстро найдя все, что нужно, я кое-как спустилась вниз.

— Яница, у меня тоже раненый! С улицы!

— Ох! — Целительница глянула через плечо на развалившегося на стуле мужчину. Тот скособочился, явно с трудом удерживая равновесие и держась за плечо. — Клади рядом! Помогите ей!

У Яницы было две помощницы — монахини из расположенного рядом монастыря, и сейчас одна подхватила моего страдальца под мышку, помогая мне дотащить его до операционной. Тут рядом стояли две кровати. На одной разметался подросток лет тринадцати в окровавленных и частично порезанных лохмотьях. Вторая девушка удерживала его, чтобы не дергался, пока целительница зашивала раны.

— Сама пока займись! — бросила она через плечо. — Я потом...

Кивнув в ответ, как куль, взвалила раненого на кровать, стала стаскивать камзол. Дорогая ткань, а придется резать, ибо мужчина не может двинуть левой рукой. Пока хлопотала, раздевая, он смотрел в одну точку расширившимися от боли глазами. Лицо его, белое как мел, то и дело болезненно морщилось. Один раз короткий вскрик сорвался с губ.

— Больно?

— Мм, — кивнул-всхлипнул он.

Я только вздохнула. Не люблю слабых мужчин. Эге, да он никак заплакал! Слезы покатались крупные, как у ребенка.

— Что, неужели так больно? — Плечо впрямь выглядело не лучшим образом, но, насколько разбиралась в ранах, рука оста-

нется цела. И он даже сможет ею пользоваться, когда все зажи-вет. Тем более, это не правая рука! Чего переживать?

Задумавшись, я, наверное, произнесла эти слова вслух, по-тому что мужчина даже встрепенулся:

— Вы ничего не понимаете! Я — левша! И мне нужны обе руки!

Он сказал это таким тоном, словно ему собирались отрезать одну из них. Эх, мне бы тоже не помешали две ноги! Правда, на деревяшке я ходила, немного бегала и, как выяснилось, сража-лась довольно уверенно, но все равно не так, как прежде.

Закончив с подростком, Яница подошла к нам. Целитель-нице хватило одного взгляда:

— Все будет хорошо! Придется только немного потерпеть. Может быть чуть-чуть больно... ваше сиятельство? Ясный князь?

Впервые видела целительницу в такой растерянности. Я, при-знаться, тоже удивилась. Князь? Настоящий? Здесь? Вот просто так раненый, как какой-то... Мысли заметались, как перепуган-ные птицы. Нет, быть того не может! Не станет князь без охраны по улицам расхаживать и в таверны заглядывать, чтобы себе ох-ранников нанимать. И потом — где целительница-то могла его видеть? Наверное, спутала с кем-то.

Яница опомнилась первая:

— Давайте посмотрим, насколько все серьезно!

Она склонилась над ранами, которые я даже не успела как следует промыть. Сама стала отчищать их от крови, попутно прикладывая корпию и тихо нашептывая исцеляющий заго-вор. Несмотря на то что Яница щедро добавляла в заклинание снимающие боль чары, мужчина болезненно морщился и ку-сал губы, как мальчишка, еле сдерживаясь, чтобы не кричать. А взгляд почему-то не отводил от моего лица. Интересно, что он там нашел? Я же самая обыкновенная — темные волосы ко-ротко острижены, раньше были до плеч, но за два года отросли, уже доставали до лопаток, и я забирала их в простой хвост на затылке. То есть когда-то они были темными, сейчас в них пол-ным-полно седины, из-за которой мне вечно прибавляют лет пять, а то и десять. Темные глаза... нос... рот... ничего такого, на чем мужчинам стоило бы задерживать восхищенный взгляд. Разве что в отсутствие настоящих женщин мною интересова-лись некоторые однополчане — жили-то часто в одной палатке,

даже по нужде ходили вместе, но стоило появиться маркитанткам и обозным шлюхам, как про меня сразу забывали.

Закончив обрабатывать мужчине рану, Яница принесла ему сонного настоя с добавлением заживляющих эликсиров. Получивший свою порцию зелья порванный волкопсами мальчишка уже мирно спал на соседней кровати.

Выпив все до капли, раненый мужчина вдруг вцепился мне в запястье здоровой рукой:

— А скажите, я... я смогу потом ею двигать?

Я посмотрела на Яницу, и та кивнула:

— Конечно. Раны чистые, крови вы потеряли немного, на заговор ваш организм отреагировал нормально, без отторжений. Все будет хорошо!

— Спасибо, — пробормотал мужчина и внезапно уснул, сраженный сонным настоем.

Укрыв его тонким пледом, мы с целительницей в четыре руки наскоро прибрались в операционной и направились на кухню. Обе ее помощницы уже отправились в обитель, благо, тут всего несколько шагов, но за больными до рассвета все равно придется присматривать, так что мы устроились на кухне. Яница достала бутылочку домашней наливки, чтобы веселее было коротать ночь.

Целительница жила в добротном двухэтажном доме. Внизу располагались просторная кухня, передняя, где дожидались приема посетители и куда только что ввалилась я, операционная, она же смотровая, и две небольшие палаты — для особо тяжелых больных, которых нельзя было сразу переносить с места на место. Второй этаж был отдан под жилые комнаты, кладовую и лаборатории, где составлялись эликсиры. Причем не только целебные, но и кое-какие другие. Ну да, а вы что думали? Яница не просто врач, она еще немного гадалка, немного ворожея, немного ведунья... Такой вот широкий специалист.

Мы познакомились почти два года назад, когда меня с воспаленной ступней привезли в ее дом. Город тогда был лишь несколько дней как отбит нашими войсками, уцелевшие горожане изо всех сил старались восстановить разрушенное. У нашего полкового целителя рук не хватало, да я первое время и не жаловалась на нарыв. Подумаешь, стрелой попали в ступню! Выдержала, портянкой потуже замотала и дальше пошла. Опомнилась, когда нога покраснела и распухла, а из раны стал сочиться гной. Наш полевой целитель прижег рану, залил-засыпал

ее всякой гадостью, но лучше не стало. И тогда меня отправили в тыл.

Так я и попала к Янице. Целительница отняла мне ногу — там же, в смотровой, где сейчас на столе стонал и всхлипывал порванный волкопсами подросток. Для меня здесь всегда пахло кровью и гноем, болью и смертью.

Два года назад мне казалось, что жизнь кончена. Нога болела невыносимо, и после ампутации боль никуда не делась — чудилось, что отсутствующая ступня до сих пор горит, как в огне. Мне просто хотелось покончить с собой. Жизнь потеряла смысл. Добрая Яница потому и оставила меня здесь жить, что хотела проследить, не наложу ли исподтишка на себя руки. Ходила за мной хвостом, нарочно давала мелкие поручения, просила, чтобы посидела рядом, когда она оперирует. Сначала я злилась на целительницу — ишь какая добрая, возится с убогонькой. Не вспомнить, сколько раз я проклинала ее за доброту. А потом поняла, что не ради меня приняла Яница жиличку, а ради себя. Скучно ей было и тяжело — одной-то в пустом доме. Хотелось, чтобы рядом находилась хотя бы одна живая душа. Так что неизвестно, кто из нас кого спасал: Яница меня — от мыслей о самоубийстве или я ее — от одиночества. Вот такие поздние посиделки на кухне были у нас в порядке вещей, даже когда в операционной не лежало сразу два пациента.

ГЛАВА 2

Тихо. Так тихо, как бывает только ночью. Но все равно надо действовать осторожно — здесь полным-полно ушей и глаз. Вдруг да кто заметит? Вдруг кто из челяди услышит осторожные шаги по коридору? Вдруг кто увидит огонек свечи? А ведь еще нужно подниматься по ступеням старой лестницы и, затаив дыхание, отпирать большой висячий замок.

В комнате темно, но большое круглое зеркало светится мягким голубоватым светом. В первый раз было страшно, особенно когда из недр серебряного диска послышался негромкий голос. Сейчас тоже пробирает дрожь, но не так сильно.

— Мне кажется, он что-то заподозрил!

— Кажется или все-таки заподозрил? — Голос с той стороны звучал приглушенно. То ли из-за огромного (просто голова

кругом, как подумаешь, что между ними версты и версты!) рас-
стояния, то ли само зеркало так все исказило.

— Должен был заподозрить! Два покушения подряд... Лю-
бой дурак заметит.

— Он пока не сообразил, откуда исходит угроза?

— Не думаю. Сегодня ночью он ходил в «Кровавую Мари».

— Ого! Что ему там понадобилось? Можете не отвечать —
вопрос риторический...

— Знаю. Но теперь он начеку! Проклятье! Я не могу спокой-
но жить, зная, что он ходит по этой земле!

— Тихо, тихо! Твою ненависть я понимаю и разделяю, но
прошу немного подождать.

— Сколько можно? Он зажился на белом свете. Я думал, все
исправит война, но судьба повернулась другим боком...

— Ничего. Скоро ты сможешь вертеть ею как захочешь!

— Когда?

— Скоро. Твой соперник будет устранен...

— Но мне недостаточно его смерти. Он должен умереть с по-
зором, как предатель.

— Не беспокойся. Все будет так, как ты захочешь!

Голубой свет погас. Голос прервался. Что ж, пора возвраща-
ться.

Мужчина, сидевший по ту сторону, подле точно такого же
серебряного диска-зеркала, только прибитого к стене, посмот-
рел на свое отражение и провел рукой по волосам. Работы
предстояло много, и работы грязной. Но ради высшей цели не
грех и запачкаться. Особенно если в результате конкуренты
наконец-то будут посрамлены.

— Во славу ордена, — прошептал он. — Именем его!

Скажу сразу — в случайные совпадения я не верю, в судь-
бу — тоже, и ничего хорошего от нее не жду. Не с моим счасть-
ем чего-то еще желать. Живя у целительницы, я лишний раз
старалась нос из ее дома не высовывать. Даже в лавку за покуп-
ками и то ходила сама Яница, пока я кое-как ковыляла по кух-
не, пытаюсь что-то готовить. И выйти на улицу меня можно
было заставить только в самом крайнем случае. Ну ходила я в
«Кровавую Мари», так там имелась надежда продать свой меч.
Да и кормили наемников иногда бесплатно, а совсем уж объе-
дать добрую целительницу не хотелось. И так жила на полном

пансионе! Она даже со знакомой портнихой меня свела, чтобы та скроила и сшила мне несколько запасных платьев и штанов. Платья могли бы скрыть мой недостаток, но куда я в них пойду? Узнав, что я — шляхетского рода, добрая женщина раздобыла где-то ужасно дорогой по послевоенным меркам ярко-зеленый бархат и соорудила нечто, в чем я даже стоять, не то что ходить и бегать, боялась. Такое шикарное платье она, по ее словам, видела только до войны на нашей княгине — во время бракосочетания. Разве что другого цвета: то платье было светло-голубым с более темными разводами. Ну немного изменила фасон, особенно на груди, которая у меня значительно меньше княжеской, и сделала больше складок на юбке, дабы отсутствие одной ноги хотя бы в первый миг не бросалось в глаза.

Платье я приняла, но влезла из-за него в долги. Много платить помощнице целительницы Яница не могла — и так приходилось жертвовать монастырю часть доходов за помощь двух монахинь, которые помогали ухаживать за больными. За год работы (до этого я просто жила тут приживалкой) удалось лишь кое-как рассчитаться с долгом за стол и кров. А платье опять сделало меня должницей. Так что деньги были мне нужны.

О пенсионе раненым в королевских указах не говорилось. Наемникам платят, пока они в строю. По завершении контракта каждому выдается на руки заранее оговоренная сумма — и иди куда хочешь. Лишь служившие в королевской гвардии могут рассчитывать на несколько мелких монеток в неделю — зато пожизненно, а количество монет зависит от звания.

Я закончила войну полусотником — выше меня не хотели ставить. Как же — женщина мужиками командовать будет! Но толку от этого звания чуть. Кроме того, поскольку меня оставили в этом городе тяжелораненой (назывался он, кстати, Пустополь) и потом в строй я не вернулась, списали как пропавшую без вести. А таким пенсия и подавно не положена. Придется как-то выкручиваться самой.

Об этом и размышляла, когда Янице вздумалось послать меня с поручением.

Не люблю никуда ходить — так и кажется, что вся улица только и смотрит на мой протез, только и слушает стук деревяшки о землю.

К слову сказать, хожу я почти нормально. Деревянную ногу мне выточил местный плотник, который вначале вообще решил, что надо делать гроб, и очень удивился, узнав, что клиент

еще жив. Нога плотно крепится на том, что осталось у меня от колена, и стоять получается довольно хорошо. Даже по ступенькам кое-как научилась взбираться и пробежать немножко могу — худо-бедно, но нога даже в колене гнется. И вообще, двигаюсь я нормально! И никому не позволяю себя жалеть!

Поручение было пустяковым — порванный волкопсами мальчишка накануне вернулся к родителям. На этом настояла его мать, которая уверила целительницу, что будет хорошо ухаживать за сыном. Янице что — одним ртом меньше, и хорошо! Однако некоторые снадобья, которыми надлежало обрабатывать его раны до полного выздоровления, можно было применять исключительно свежими. Наварить сразу на всю неделю нельзя. Вот целительница и готовила их маленькими порциями, которые я должна была каждый день относить родителям мальчишки.

За пару дней до того, как раз перед полнолунием, мы избавились и от второго пациента — того мужчины, чьего имени я не удосужилась узнать и которого Яница именovala князем. Вскочив на другой день с утра пораньше, она помчалась в монастырь, рассказать матери настоятельнице о том, кто у нас лечится, и сразу после утренней службы еще толком не проснувшегося мужчину увели монашки.

Дом целительницы стоял рядом с храмом Богини-Матери и монастырем, где тоже располагалась лечебница. Правда, там чаще лечили постом, молитвами и кровопусканием, зато бесплатно. Когда-то на территории монастыря располагалось и кладбище, но, когда места стало не хватать, его перенесли за крепостную стену. Кому как, а лично мне такое положение дел нравилось. Сама мысль о том, что в случае чего тебя не надо далеко нести и можно просто тишком прикопать на заднем дворе, не особенно способствует выздоровлению. А вот когда знаешь, что в случае чего убитым горем родственникам придется нести твои бранные останки через весь город, — поневоле соберешь все силы, чтобы не подводить семью. На старом кладбище, однако, иногда еще хоронили самых уважаемых и именитых горожан. В лечебницу при монастыре как раз и отправили князя. А что там с ним было потом — уже не моего ума забота.

По пути попались два всадника, которым я без слов уступила дорогу. Да это, кажется, сделал бы любой, если только он не сумасшедший самоубийца. Два одетых во все черное «ястреба» тихо проехали мимо на вороных жеребцах. Они-то что тут делают? Вроде неподалеку есть Орлиное Гнездо, а всему свету

известно, что «орлы» и «ястребы» ведут между собой негласную войну. Это при том, что «орлы» — вроде как королевский орден, а орден Ястреба был образован неким изгнанным из него рыцарем по прозвищу Ястребок. Я почему знаю — один из братьев отца как раз и стал «орлом». Это, кстати, единственный рыцарский орден, куда берут женщин. До войны и ранения я иногда мечтала стать «орлицей». Останавливала меня лишь мысль о том, что там большой вступительный взнос. Вот чтобы пойти в «ястребы», больших денег не надо — достаточно привести с собой коня и быть при оружии и в доспехах. А сколько при этом серебра или меди станет звенеть в твоём кошельке — никого не волнует.

Но зато орден Орла на полном государственном обеспечении, а «ястребы» сами добывают себе деньги. И вражда у них вызвана элементарными причинами — те и другие охотятся на чудовищ.

Разной нежити и нечисти за время войны расплодилось немало. Волкопсы — просто новорожденные котята по сравнению с некоторыми монстрами. Достаточно вспомнить выря... хотя это существо в городе не встречается. Зимники, ушихи, лидерки... Всех перечислять не стану, чтобы никого не пугать. Но часто бывало на войне — первыми в освобожденный замок или деревеньку заходили «орлы». И практически всегда обнаруживали на чердаке, в дальних комнатах или подвалах затаившихся чудовищ.

Кстати, «орлы» всегда сражались на стороне короны. А вот «ястребы» воевали за тех и других — по личным мотивам. Это отнюдь не улучшило и без того натянутые отношения между орденами. Так что пару всадников в черном не только я проводила внимательным взглядом. Половина улицы обернулась, затаив дыхание. А вторая просто застыла. Еще бы! Тут рядом Орлиное Гнездо. Если они встретятся... Вот не понимаю я этих «ястребов»! Нарочно они, что ли, так вызывая себе ведут? Знают, что почти на нелегальном положении, знают о народной подозрительности, о вражде с «орлами», за которыми стоит государство, — и все равно везде и всюду выпячивают свою природу.

Сделав шаг, я отошла в сторону, уступая двум всадникам дорогу. Всего лишь посторонилась... в то время как надо было бежать сломя голову... Но кто же знал тогда, что все так обернется!

Семья пострадавшего мальчика жила на другом конце города. Пока дошла, пока отдала мазь, пока показала, как надо ее втирать в раны, меня повязки, да как определить по внешнему виду ран, все ли хорошо заживает и не пора ли звать Яницу, прошло время. Отец подростка, младший мастер гончарного цеха, ненадолго заглянул вместе с подмастерьями. Семья села за обед из овощной похлебки и жареной требухи. Накрыли и мне, хотя я заметила, что хозяйка долго колебалась, раздумывая, посадить ли меня за один стол со своими домашними. Как будто я могла их сглазить! Я уже давно привыкла к косым взглядам — презрительным, жалостливым, даже ненавидящим. Ничего! Я здесь временно, а вот приеду домой...

Когда я вышла за порог, день уже клонился к вечеру. К тому времени как доберусь до дома целительницы в центр города, настанут сумерки. Зайти, что ли, в «Кровавую Мари»? Как ветерану, мне нальют бесплатного пива. Но это же крюк делать на соседнюю улицу. Неохота. Не только потому, что нога все-таки побаливает после долгих пеших прогулок, просто еще свежи в памяти недавние события. Как-никак благодаря моему мечу в таверну теперь заходит на шесть человек меньше. Да и к ужину опоздывать неохота.

Но, подходя к дому, вдруг, к своему удивлению, увидела, что у крыльца стоят оседланные лошади. Восемь лошадей и при них два мальчишки-пажа. Судя по гербам на чепраках, дом целительницы Яницы навестил кто-то из членов княжеской семьи. Мне было глубоко наплевать на местного князя — все равно город не мой, я тут временно, и нечего забивать себе голову такими пустяками, как родословная чужих семейств! Я лишь узнала княжеский венец над щитом, на котором два журавля — белый и алый — держали в клюве одну ленту на двоих. Что они тут делают?

Собственно, в этом не было ничего удивительного — моя квартирная хозяйка и работодатель по совместительству считалась одной из лучших городских целительниц. Мало ли зачем она понадобилась? Слышала, у князя в семье имелся маленький ребенок. Вдруг он заболел? Или — мелькнула шальная мыслишка — это посланцы того самого парня приехали, чтобы расплатиться с Яницей за уход и заботу? А что? Очень может быть.

Пажи проводили меня заинтересованными взглядами — мальчишкам было скучно, и каждая мелочь поневоле привле-

кала их внимание. Я же и бровью не повела — открыла калиточку, прошла мимо газона, толкнула дверь...

В передней-приемной оказалось тесно от гостей. Сама Яница стояла перед сидевшим на стуле парнем, тем самым, которого пользовала незадолго до полнолуния. Справа и слева от него переминались с ноги на ногу два рыцаря. Одного я вспомнила сразу — седоголовый ветеран, старый рыцарь, которому активно не понравился мой костыль, Генрих, кажется. Второго видела первый раз — это был мужчина лет тридцати с небольшим, высокий, худощавый, симпатичный, но какой-то вялый. В сидевшем на стуле раненом парне было больше жизни, чем в нем. Еще двое, простые гайдуки, навтыяжку стояли у порога.

Яница и знакомый мужчина что-то выясняли, но замолчали, стоило моей деревяшке стукнуть о порог. Шесть пар глаз — пять мужских и женские — уставились на меня.

— Вот она, — просто сказала Яница.

Мужчина вскочил. Короткий плащ распахнулся при этом движении, и стало заметно, что одна рука у него до сих пор на перевязи. Ну да, прошло меньше недели, и рана пока еще не зажила...

— Это вы? — воскликнул он с каким-то юношеским восторгом и повернулся к своим спутникам: — Я же говорил, что мы ее найдем!.. Госпожа... э-э...

— Дайна. Дайна Брыльская, из шляхтичей Брыльских, ясный пан...

До меня дошло, что я тоже не знаю его имени.

Спас этот самый Генрих.

— Перед вами, госпожа Брыльская, князь Витолд-Яромир, сын Доброуша Войча Пустопольского, — произнес он одновременно гордо и презрительно.

Ого-го! А сказки все-таки бывают! Он князь! Настоящий! Не ошиблась-таки Яница! Я посмотрела на целительницу и увидела, что та исподтишка делает какие-то странные знаки.

— Прошу простить, я...

— Дайна, — повторил князь с какой-то странной интонацией. — Я... э-э... хотел вас попросить... поблагодарить...

— Не меня благодарите, а госпожу Яницу, — перебила я, стараясь не обращать внимания на возмущенное фырканье Генриха, — если бы не она и ее искусство...

— Если бы не вы и не ваша отвага, госпоже целительнице

было бы нечего делать! — пылко воскликнул мужчина. — Я вас искал.

— Чтобы сказать «спасибо»?

— Чтобы сделать вам предложение...

Вот тут я онемела. Честное слово, не ждала от судьбы подобного поворота! Ни с того ни с сего...

— Вы меня не так поняли, — торопливо поправился князь и отчего-то засмутился. — Я не то имел в виду. Я...

Он как-то странно покосился на остальных, словно застеснялся, и Яница коротко поклонилась, сложив руки на переднике:

— С позволения ясновельможного пана, я вас ненадолго оставлю. У меня в печи томятся целебные отвары, за ними нужен глаз да глаз. И если ваша милость не будет против, могу угостить господ медовухой, настоянной на травах.

— Да-да, — князь Витолд несколько раз небрежно кивнул, словно бы отмахиваясь от целительницы, как от мухи. Гайдуки отлепились от косяка и послушно потопали за хозяйкой на кухню. Дверь была хлипкой, подслушать ничего не стоило, но хотя бы создавалась иллюзия уединения. Тот мужчина, что стоял за стулом князя Витолда, ушел вместе с ними.

— Генрих, — тихо промолвил князь, не сводя с меня пристального взгляда. — Я знаю, ты...

— Не одобряю, — так же тихо промолвил седой ветеран, — но и препятствовать не стану. Ты уже взрослый, тебе пора самому принимать решения... и отвечать за свои поступки!

С этими словами он вышел. На улицу. Мы остались вдвоем. Помявшись, князь Витолд снова сел на стул. Было заметно, что испарина выступила над его верхней губой. Видимо, он еще не пришел в себя после нападения.

— Госпожа Дайна, — помявшись, начал он.

— Просто Дайна.

Он торопливо кивнул:

— Понимаю, это звучит странно, но я пришел, чтобы сделать вам предложение. Это не то, что вы подумали, слово чести! Просто после той нашей встречи я много размышлял. Я нарочно всех удалил, чтобы никто не догадался о том, что я знаю... В общем, меня хотят убить...

Не понимаю, почему, но после этих слов, сказанных ровным тихим голосом (так обычно сообщают о перемене пого-

ды), по моему позвоночнику словно конница проскакала. И вместо копыт — ледышки.

— Вы уверены, ваше сиятельство?

— Да... то есть нет. Догадываюсь, но... Не вижу причин! Я никому не перешел дорогу, получил титул и наследство после гибели отца. Все близкие и дальние родственники тоже пристроены. Ни вдовы, ни сироты не обижены, да наш род не настолько многочисленный, чтобы кого-то можно было забыть или упустить из виду. Отец еще перед войной раздал все долги, как чувствовал... Мой отец погиб на войне, — сообщил он как бы между прочим. — Ни у кого нет причин меня ненавидеть... Я так думал до недавнего времени. Но несколько недель назад... В общем, произошел несчастный случай. Можно было не обращать внимания, но потом в моей спальне... И еще через несколько дней... Генрих — это старый друг моего отца и мой воспитатель — уверяет, что всему виной мое богатое воображение. Да и я сам знаю, что иной раз могу нафантазировать такое, что мало не покажется. — Он улыбнулся своим мыслям, но тут же посерьезнел. — В общем, я запутался. Мне страшно. И я хочу нанять охранника...

— И поэтому отправились в «Кровавую Мари»?

— Да. На этом настоял Генрих. Там собираются наемники. Я думал найти там человека... Ничего не вышло.

Я кивнула. М-да, некрасивая получилась тогда история. Впрочем, этот парень сам виноват — нечего было трясти перед всеми тугой мошной. Вот, например, Яго — я в нем уверена. А остальные...

Я тогда так и сказала ему — мол, знаю, кто вам нужен, — но мужчина затряс волосами:

— Нет-нет! Дайна! Вы не так поняли! Я хочу нанять *вас!*

— Меня? — пришлось схватиться за подоконник, чтобы не упасть. — Охранником?

— Телохранителем.

— Нет!

— Почему? — У него аж губы затряслись, как у ребенка. Не терплю слабых мужчин. Сейчас еще умолять начнет, канючить, давить на жалость... противно! — Я заплачу! Сколько вам надо? Двадцать? Или пятьдесят злотых? Я могу и больше дать, только соглашайтесь!

— Вы не понимаете, ваше сиятельство! Посмотрите на меня! Я же — женщина!

— И симпатичная! — запальчиво воскликнул он. Погорячился, наверное. Или нарочно соврал, думая, что все женщины одинаково падки на лесть.

— Я... калека! Инвалид на одной ноге! — Пришлось ущипнуть себя, чтобы не выругаться.

— И сражаетесь лучше некоторых мужчин! Я видел вас в деле! Вы спасли мне жизнь! Спасите ее еще раз, пожалуйста! Пятьдесят золотых! Нет, семьдесят! Сто!

Ого! Признаться, подобная сумма мне и во сне не снилась. Сотня полновесных золотых монет! Мое жалованье за десять лет! Желание послать этого типа подальше увяло перед звоном монет.

— Это ненадолго, — продолжал уговаривать меня князь Витолд. — Я найду того, кто желает моей смерти, и... тогда отпущу вас. То есть, конечно, я бы хотел, чтобы это вы его нашли. Я заплачу.

— По рукам, — сказала я. — Но двадцать золотых — вперед!

— Конечно! — Князь обрадовался так, словно не он мне, а я ему эти деньги подарила. — Вы получите их в замке, Дайна! Сегодня же! Генрих! — закричал во всю силу легких. — Генрих! Мы возвращаемся!

Седой ветеран заглянул в переднюю:

— Она согласилась?

— Да, — засиял князь, улыбаясь, как мальчишка.

Взгляд, которым одарил меня Генрих, не сулил ничего хорошего.

Двое сидели в креслах друг напротив друга. «Ястреб» и тот клиент, пригласивший его сюда. Второй гость, помоложе, стоял за спинкой кресла первого как оруженосец или слуга.

— Итак...

— Я подтверждаю заказ. Деньги...

— Получены. Остальное по завершении работы.

— Но никто ни о чем не должен подозревать!

— Нам тоже невыгодно, если заказ как-то свяжут с нашим орденом. Но должен предупредить, что в силу специфики своей работы мы имеем дело только с нечистью и нежитью...

— В окрестностях города бродит стая волкопсов. Они нападают на людей, причем по тому, как избирательно охотятся и как организуют свои нападения, чувствуется, что это не просто звери.

«Ястреб» медленно кивнул. Его внешность как нельзя лучше соответствовала его званию — четкие, словно резцом проведенные линии скул и подбородка, округлые светло-карие глаза с воспаленными веками, хищный тонкий нос, презрительно поджатые губы. Его младший спутник ничем не отличался от любого другого юноши не старше восемнадцати лет. Даже взгляд оставался безмятежно-задумчивым.

— Волкопсы, — медленно произнес «ястреб», словно проверяя слово на вкус. — Целая стая... Отлично!

— С начала весны было уже шесть нападений со смертельным исходом. Стая орудует практически в черте города — последняя жертва уцелела лишь потому, что люди из окон увидели, как волкопсы напали на подростка, и пришли мальчишке на помощь. А сколько народа эти твари сожрали в окрестностях — я не знаю.

— Но поблизости есть Орлиное Гнездо, — продолжил размышлять вслух наемный охотник. — Что, если...

— Ничем официально не доказано, что волкопсы — нежить. А на простых волков и одичавших псов у «орлов» часто не хватает времени и сил. Мы отправили им депешу с просьбой помочь разобраться с волками. *С волками!*

«Ястреб» кивнул. Несмотря на то что орден Ястреба изначально был дочерним для ордена Орла, их рыцари так часто оказывались по разные стороны баррикад, что иной раз было достаточно мелочи, чтобы вражда вспыхнула с новой силой. И, конечно, неудачи одного ордена служили источником радости для другого.

— Значит, мы можем приступить? — произнес он. — И сколько у нас времени?

— Чем скорее вы все сделаете, тем лучше.

Рыцарь кивнул еще раз и вскочил одним стремительным движением — словно настоящая ловчая птица сорвалась с ветки, заметив цель. Его спутник быстрым шагом последовал за ним.

Замок стоял, как это часто бывает, не в черте города, но сразу за городскими воротами, ближе к окраине. Лично мне такое было в диковинку — дом моего отца, хотя и просторный, и добротный, настоящая небольшая усадьба с прислугой, построили за городом, примерно в полумиле от окраины. И получалось, что нам, детям, гораздо ближе и быстрее добежать в гости к

приятелям из соседней деревушки, чем к брыльчанам. Тем более по летней поре. Я с детства привыкла к простору. И только на войне временами страдала от тесноты — особенно когда в палатку нас набивалось по тридцать—сорок человек. Война — это одно, а жизнь — это другое. Меня порадовало, что дома предместья не лепились к крепостной стене, а отстояли от нее примерно саженой на сто. Большая их часть выстроилась вдоль накатанной дороги, идущей от замковых ворот до городских. Продолжаясь уже в виде улицы, дальше дорога шла чуть ли не через весь город и заканчивалась на площади. У самых ворот был прорыт неглубокий ров, через который перекинули добротный мост — еще новый, выстроенный, наверное, после войны.

Во дворе нас встречало десятка три человек, челядь и придворные высыпали навстречу, спеша принять лошадей и помочь спешиться. Князя Витолда снимали с коня сам старый Генрих и дюжий конюх. Я некоторое время сидела в седле, ожидая, пока очередь дойдет до меня. Седло было боковым, для лучников. И, если слезть с него можно было, просто спрыгнув (и наверняка чего-нибудь себе сломав), то взбираться без посторонней помощи оказалось трудно. Генрих все бурчал что-то себе под нос и осуждающе качал головой, пока меня подсаживали два гайдука. Один из них вел моего коня за узду — научиться ездить верхом я так и не сподобилась. До войны отец не особо старался сделать из меня полноценного рыцаря, а потом воевать пришлось в пехоте, где не больно-то поскачешь. По пальцам можно пересчитать все случаи, когда мне приходилось ездить на лошади.

Пожилая хлопотливая дама, круглая, как свежая булочка, все всплескивала руками и вертелась вокруг графа Витолда, как наседка вокруг единственного цыпленка.

— Ну разве ж так можно, сударь мой! — восклицала она. — Ведь только-только с постели встали! Ведь еще нетвердо на ногах стоите! И нате вам! Куда поехали?

— Я нашел ее, нянюшка! — воскликнул мужчина, указав на все еще сидевшую на коне меня. — Госпожа Дайна Брыльская. Она будет меня охранять! Помогите ей кто-нибудь!

Обо мне тут же вспомнили, со всех сторон потянулись руки. Пожилая женщина (вряд ли мать князя Витолда, уж больно проста) только покачала головой, когда я неловко сползла с седла.

— Это что же такое? — От ее цепкого взгляда не укрылось, что нога у меня отсутствует. — Это как же так?

— А вот так. — Князь сдвинул брови и стал похож на обиженного подростка. Интересно, сколько ему на самом деле лет? На вид чуть за двадцать, ведет себя как шестнадцатилетний. — Дайна Брыльская — мой телохранитель! Я желаю, чтобы ее проводили в дом, устроили как следует и выделили покои поближе к моим! Дайна, это — госпожа Мариша, моя няня и домоправительница.

Комнаты, куда меня поместили, оказались просторными, но обставлены были довольно скупо. В передней только пара кушеток, кресло у камина и совершенно пустой стенной шкаф. В спальне — туалетный столик, на котором тоже ничего не стояло, кровать, лавка и небольшой стульчик. Уже потом слуги внесли и поставили сундук, куда мне предложили сложить немудреные пожитки, и еще два маленьких столика — по одному в каждую комнату. И все.

Вот это я сейчас говорю — скупо обставлены. А тогда все казалось мне верхом роскоши. Дома мы жили примерно так же, даже немного скромнее, а за время войны и послевоенной жизни в доме целительницы я и вовсе отвыкла от больших комнат, широких кроватей под узорным пологом, кресел у камина, косметики и прочих женских штучек. У меня — стыдно признаться — даже нормального женского белья не было. И, чтобы не позориться перед слугами, пришлось долго ждать, пока они все уберутся из комнаты, зачем смущать их видом своего старого гардероба? Только то бархатное платье, из-за которого пришлось влезть в долги, и было новым — все прочие вещи, чиненные-перечиненные, передали из монастыря. Монашки часто собирали пожертвования в пользу тех, кто пострадал от войны. И Яница прихватила кое-какую одежду для меня.

А слуги как назло не торопились по своим делам. Каждую минуту кто-то да заглядывал в дверь — то комнатой ошиблись, то искали госпожу Маришу, дескать, ее на кухне очень хотят видеть, то просто спрашивали, не угодно ли чего госпоже? И все так и ощупывали взглядами мое лицо, фигуру и то, что ниже. Тут уж ничего не скроешь — одна штанина подвязана узлом как раз на уровне колена. И вместо сапога — деревяшка. Самая обычная. Можно было бы ходить и в юбке, чтобы хоть частично скрыть увечье, но платьев-то особых у меня не имелось. Бархатное не в счет, а от остальных я отвыкла, и они валя-

лись в мешке, как тряпки. Да и прятаться — значит, признавать себя слабой.

Время было уже позднее, так что, когда осталась наконец одна, я кое-как разобрала свои вещи, переложила из вещмешка в сундук или поставила на столик у изголовья, разделась и устроилась на широкой постели, решив, что утро вечера мудренее.

Врут, когда говорят, что на новом месте часто плохо спится. Походили бы вы с мое, помесили грязь осеннего бездорожья, пережили долгие изматывающие переходы, когда еле представляешь ноги, а все мысли только о том, как бы лечь и не открывать глаз! Война приучила спать там, где застигла ночь. А сейчас она застигла меня в этом замке.

Ту, самую первую ночь, я проспала без снов — словно бревно до утра пролежала на постели. Утром же первым делом отправилась искать покои моего работодателя — пусть видит, что я в любой момент готова приступить к делу. Замок, судя по голосам и звукам шагов, уже пробудился, так что мои блуждания по коридорам в столь ранний час никого не могли удивить. Телохранитель я или нет? Если телохранитель, то должна находиться как можно ближе к князю Витолду Пустопольскому. Хотя и не уверена, что его желают убить. Судя по тому, как к нему относятся слуги, как встречали, как помогали слезть с коня, Витолда действительно любят. Только вот насколько искренне? По опыту знаю — редко подчиненные испытывают большую и чистую любовь к своему начальству.

Если честно, мне совсем не хотелось проводить в этом замке остаток дней, играя роль сторожевой собаки. Надо найти того, кто хочет смерти моего подопечного, вывести его на чистую воду и, забрав награду, отбыть в Брыль. Но для начала неплохо бы выяснить, существует ли угроза в принципе? Нападение на позднего прохожего, который неосторожно сообщил о наличии денег, в порядке вещей. Из-за такой малости телохранителей не нанимают!

Оказалось, искать никого не надо — комнаты князя Витолда Пустополя располагались почти рядом, на том же этаже, в том же крыле, практически мы являлись соседями. Сейчас двери оказались распахнуты настежь, так что всем желающим была видна передняя зала, где в глубоком кресле полулежал мой подопечный, а над ним хлопотал седенький лекарь, невы-

сокий худошавый старичок с залысинами над морщинистым лбом и подслеповатыми маленькими глазками. Тут же суетилась госпожа Мариша, властным тоном отдавая приказы двум слугам. Господина Генриха не было, что не могло не радовать. Седоголовый ветеран явно недолюбливал женщин в военной форме. На войне такое тоже бывало — многие смотрели на меня и других девушек косо. Мол, здесь не игры и не танцы. Бывало, и нарочно старались унижить или относились как к маленьким девочкам, разве что не сюсюкали. Потом, конечно, начинали уважать, но для этого еще нужно было доказать, что ты достойна уважения.

— Госпожа Дайна! — Князь первым заметил меня. — Вы уже готовы?

— Да, ваша милость. — Я прошла в комнату, стараясь не смотреть по сторонам и не замечать, как все оцепенели. Не скоро эти люди привыкнут к моей хромоте и деревянной ноге. — Я всегда готова!

Не могу понять, почему после этих слов слуги как-то странно заухмылялись, а вот госпожа Мариша и целитель наоборот — сердито поджали губы. Я лишь сказала то, что сказала.

— Вы хорошо спали? — продолжил играть в вежливость мужчина.

— Да, благодарю вас.

И почему это всех и всегда интересует, хорошо ли человек спал на новом месте? Хоть бы раз поинтересовались, не хочет ли он есть?

— Мне так хотелось показать вам замок, — продолжал тем временем князь. — Но мастер Лелуш сказал, что мне не стоит пока много двигаться!

— Раны вашей милости глубоки, — изрек старичок. — Вы потеряли много крови и, хотя кость не задета, а лечение мастерицы Яницы было отменного качества, все же не стоит напрягать руку. Дабы ускорить выздоровление, следует поберечь силы, направив их на благое дело. Несколько дней покоя вам не повредят!

— Особенно с такой охраной. — Князь подмигнул мне смущенной улыбкой мальчишки, который искренне сожалеет, что вот именно сейчас не может вместе со мной устроить набег на яблоневый сад.

Ответить я не успела — за моей спиной послышались быстрые шаги.

Тело среагировало само — резкий разворот на деревяшке, одновременно рука сжала рукоять меча. Короткий резкий рыбок...

И кончик клинка каким-то чудом остановился в паре дюймов от детского носа.

— Ой-ёй...

Мы все оцепенели — слуги, князь, я сама и восьмилетняя девочка, влетевшая в комнату как ярко-желтый ураган. Скосив глаза к кончику носа, она вытаращилась на острие моего меча, а потом, скользнув взглядом дальше, до рукояти, а дальше по руке до плеча и шеи, уставилась в мое покрасневшее от смущения лицо:

— Ты кто?

— Прошу прощения, — меч вернулся на место, — я...

— Агнешка, — из кресла откликнулся князь Витолд, — это — госпожа Дайна Брыльская, мой телохранитель. А это — моя сводная сестра, панна Агнесса, — представил он девочку. — И ее мать, моя мачеха, вдовствующая княгиня Эльбета.

Я только сейчас заметила, что на пороге замерла женщина в глухом траурном платье. Она оказалась всего на пару лет старше меня. Вторая жена покойного князя Доброуша, догадалась я. Та самая княгиня, на свадьбе которой портниха и видела поразившее ее воображение платье. Эта женщина была... красива. То есть по сравнению со мной. Даже если меня нарядить в тот самый бархат и поставить с нею рядом. У нее, несмотря на траур и морщинки, сохранялись ровный цвет лица, уверенный и гордый взгляд, плавные движения. А волосы... Мой собранный на затылке хвост неопределенно-коричневого цвета не шел ни в какое сравнение с медовыми локонами, закрученными над ушами в два валика.

Сейчас ее голубые глаза казались льдинками.

— Что это такое? — прошелестел такой же холодный голос.

— Это, матушка, Дайна. Мой телохранитель, — любезно пояснил из глубин кресла князь Витолд.

— Дайна Брыльская, — сочла нужным уточнить я. — Из шляхты.

В ответ меня удостоили-таки кивком, но таким же холодным — мол, слышали и приняли к сведению, но на большее не рассчитывай. А мне что? Ничего. Я — телохранитель. Поработаю тут немного, потом получу оставшиеся восемьдесят злотых и уеду домой. Тем более что из оплаченного аванса я спол-

на рассчиталась с доброй Яницей. И остаток могла потратить в свое удовольствие. Бесы, как же приятно, когда в кармане есть деньги!

Княгиня прошла в комнату, склонилась над креслом. Глаза и голос ее потеплели, когда она взяла руку князя в свои ладони:

— Я так за вас волновалась, Витолд! После того ночного происшествия вы были слишком слабы, чтобы пускаться в путешествие! И хочется вам так рисковать своей жизнью! Один раз вас чуть не убили...

— Три раза, матушка, — поправил он. — И третий раз был бы последним, если бы не Дайна. Она спасла мне жизнь, и я решил, что отныне она ее и будет охранять.

— Вот как? — Женщина быстро обернулась ко мне с таким видом, словно только что увидела. — Она здесь... останется? И надолго?

— Пока не минует опасность! — пожал плечами мужчина.

— Это невозможно! — воскликнула пани Эльбета. — Она не может тут находиться! Она... она опасна!

Интересно чем? И для кого?

— Интересно чем? — озвучил мои сомнения мужчина в кресле.

— Вы же видели! Видели, как она набросилась на вашу сестру! На невинного ребенка!..

— Прошу прощения, ясная пани, — решила я подать голос. — Просто я выполняла свою работу и...

— Вот видите, матушка! Она не хотела причинять Агнешке боль...

— А мне это понравилось! — неожиданно заявило золотисто-кремовое чудо в лентах и оборках и даже подпрыгнуло на месте: — Сделай так еще, а?

От восторга и энергии, которыми так и лучился этот ребенок, мне стало слегка не по себе. Чем-то маленькая Агнешка напоминала моих младших сестер — таких, какими они были восемь лет назад. Сейчас это конечно же молодые девушки... невесты на выданье. А еще девочка так походила на своего старшего брата — те же глаза, нос, скулы, губы, цвет волос — словно князь Витолд вдруг раздвоился.

— Простите, маленькая госпожа, но меня наняли, чтобы охранять вашего брата, — я старалась говорить как можно вежливее, чтобы не ссориться с ее матерью раньше времени, — а вовсе не для того, чтобы... э-э... развлекать маленьких девочек.